

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

“КАРОТИНКА”

РАССКАЗ

Лёха не спеша возвращался с работы домой. Ему оставалось пройти до дома пол-улицы и переулок, как вдруг яркий оранжевый предмет у ворот дома номер двадцать пять по улице Свободной привлёк его рассеянное в предвкушении выходных внимание.

— О! Надо завернуть: Михалыч никак техосмотр свой самоездящей “морковке” делает.

Ноги сами понесли Леху к двадцать пятому дому.

“Фиат” тысяча девятьсот девяносто второго года выпуска — Лёхин ровесник — стоял за воротами гаража. Зачем это ранее изрядно побегавшее по заграничным дорогам чудо техники оранжевого цвета приобреталось пятнадцать лет назад, не знал даже сам Михалыч. Лёха подозревал, что автомобиль был поспешно куплен на заначку с премии, чтобы внезапно объявившиеся денежные излишки не утекли в общий семейный котёл. Водитель из Михалыча был так себе, даже супруга боялась садиться рядом с ним. “Пешочком пройду, тут недалеко”, — обычно отговаривалась она.

Первые пару лет по субботам “Фиат”, управляемый хозяином, с рёвом вырывался из ворот на рынок и возвращался тяжело нагруженный мешками капусты, морковки, картошки, коим рачительная супруга Михалыча Зинаида Степановна быстро находила применение. Потом оранжевые бока “Фиата” отсвечивали в лужах улицы Свободной всё реже и реже и, наконец, с отъездом Зинаиды Степановны в город к дочери, заперлись в уединении в гараже.

ИВАНОВА Людмила Юрьевна родилась и выросла в Москве. В 1992 году закончила Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК) по специальности “инженер-картограф”. Работает по специальности. Имеет дополнительное художественное образование, принимала участие в международных выставках. Данная публикация — дебют.

Михалыч в город не рвался. “Чего я там не видал? Одни стены. В лес за грибами — на двух автобусах час езды в одну сторону. На рыбалку не сходить прямо сразу, чтобы сапоги надел и пошёл. На крыльце вечером не посидеть.... Ограничение какое-то в правах трудящихся!”

Между тем дочка Светочка умудрилась, при обеспечении надёжного тыла в лице Зинаиды Степановны, построить головокружительную карьеру (вот тебе и поселковая школа!) сначала в городском филиале российско-французского банка, а затем и в областном офисе. В прошлом году всей семьёй — с мужем и сыном Кирюшкой — по контракту во Францию на три года уехала, видимо, слабоваты французы стали в воспитании собственных кадров. И маманьку с собой прихватила. А там, кто знает, и гражданство получит, и останется в этой Франции....

“Карлсон улетел. Но обещал вернуться”, — отшучивался Михалыч от традиционного соседского любопытства по поводу возвращения блудной супруги. Холостяковал Михалыч уже лет пять, если считать с момента отъезда Зинаиды Степановны. Лёха всегда удивлялся этой странной паре: крупная, статная, по-деревенски хватистая Степановна, находящая практическое применение любому предмету, попавшему к ней в руки, и мелкий ростом, работящий, но излишне мечтательный Михалыч. Если бы не Светка-разлучница, так и годовали бы они, такие разные, и дальше вместе.

Длительное отсутствие супруги никак не сказалось на порядке в доме Михалыча, у которого любой ржавый гвоздь имел своё строго отведённое место. Готовить просто, но сытно и вкусно, Михалыч научился на флоте, где честно отслужил положенные три года. Оставшись один, Михалыч весь огород не засаживал: так, пару грядок того-сего, помидорчики-огурчики, картошечка. Кур пяток держал, козу для молока своего... Много ли надо на пенсии человеку, привыкшему работать на земле?

“Фиат” также неспешно доживал свою жизнь вместе с хозяином. Зимой в гараже, летом выкатывался погреться на солнышке. Вот и сейчас Михалыч стоял у поднятой крышки капота и вглядывался в хитросплетения проводов.

— Здорово, Михалыч!

— Лёха, ты, что ли? — Михалыч обошел кузов. — Не разгляжу без очков.

— Он самый. Вот домой иду после смены. Гляжу, ты тут копошишься. Решил завернуть.

— Вовремя я решил “каротинку” свою выкатить, — обрадовался Михалыч. — Вот скажи мне, почему двери задние у неё не открываются?

— Сейчас проверим. — Лёха шагнул к машине и нажал на ручку. — Где не открываются? Всё работает.

— А другая?

Лёха обошёл “каротинку”.

— И другая прекрасно открывается.

— А ты сядь внутрь. — Михалыч услужливо распахнул дверь пошире. — И потом выйди.

Лёха втиснулся на заднее сиденье и хлопнул дверью.

— Потихе хлопай, сломается — не тебе ремонтировать! — возмутился небрежным отношением к своей собственности Михалыч.

Половину заднего сидения занимал какой-то матрасик и скомканный плед.

— Теперь выходи давай!

С первого раза дверца открываться не хотела.

— Та-а-а-к... — Лёха вспомнил, что на той неделе он с женой ездил в магазин: диван выбирать. Любка, как всегда, рядом, а сын на заднем сидении. Чтобы этот шилопоп не вывалился случайно из машины по дороге, Лёха заблокировал дверь кнопкой на торце: открыть можно, но только снаружи. Так и есть — такой же блок стоит. Щёлкнул в обратную сторону — готово.

— Как это у тебя получилось? — засуетился Михалыч. — Я уже полчаса голову ломаю, в сервис собрался ехать.

— Михалыч, признавайся, кого возил на заднем?

— Никого. Нет, вру, Барсика к ветеринару.
— Он ещё жив? — удивился Лёха. — Я думал, он давно помер.
— Жил бы у тебя, может, и помер бы. А у меня жив-здоров и ещё столько проживёт.

— К ветеринару-то зачем ездил?

— Прививку от бешенства ставил. Вот, гляди, — Михалыч вытащил районную газету “Краснознаменский вестник”. — Читай, на четвёртой странице внизу.

— “В Заречном районе объявлен карантин по бешенству. Местные жители несколько раз наблюдали лис, разгуливающих днём по посёлку...” Так Заречный район от нас километров пятьдесят будет. Далеко. Барсик твой до тех лис не доберётся.

— Но-но! — возмутился Михалыч. — Он у меня знаешь какой: сам не съест, всё в дом несёт. И бешенство принести запросто может.

— Хочешь сказать, что твой пёс — спортсмен по бегу на дальние расстояния? Сколько ему лет?

— Всего четырнадцать.

— “Всего?” Для собаки это много!

— Ничего не много! Он из семьи долгожителей: его мамаша, Белка, почти двадцать прожила.

— Ну хорошо, — сдался Лёха, — Барсик жив-здоров-привит. Дверь ты сам, наверное, и закрыл, чтобы Барсик не выпрыгнул?

— Точно, — хлопнул по лбу Михалыч. — Вот мозги куриные, запомнотавал! Хорошо, что ты зашёл. В сервисе бы тысячу отдал, не меньше, а делов — на пять копеек! Подожди, не уходи.

Михалыч метнулся в дом. Лёха закрыл капот и разложил выданную Михалычем газету. Под статьёй о бешенстве мелким курсивом было набрано: “Творчество наших читателей”. Лёха припомнил, что Михалыч как-то хвастался, что его публикуют в “районке”, и повнимательнее взглянул на раздел с “творчеством”.

Гражданка Курошлёпова А. В. воспевала местное животноводство на японский манер:

*Медленно идут коровы
По зелёному полю.
Вечер.*

“Посмотрел бы я, какой штраф за потраву вкатили бы поэтессе этой с “коровами на поле”! Такое впечатление, что её фамилия раньше начиналась с буквы “Д”! — даже недостаточно тонкая Лёхина натура протестовала против нерационального подхода в сельском хозяйстве.

Вернувшийся Михалыч притащил блюдце с криво нарезанными ломтями колбасы, банку солёных огурцов, две стопки и полбутылки самогона. Откуда-то из-за сарая неспешно, как и полагается ветеранам охраны, вышел Барсик-Джувльбарс (“мама — овчарка, папа — подлец”). Джувльбарс подошёл к Лёхе, обнюхал его, потом отправился к машине, поставил передние лапы на колесо “Фиата” и бодро заводил носом. Пару раз повернул голову то в сторону гостя, то в сторону манящего колбасного запаха, оценивая, стоит ли надеяться на угощение. Решив, что подождать стоит, Джувльбарс улёгся на траву рядом с импровизированным столом, чтобы упавшая ненароком вкуснятина оказалась сразу в пределах досягаемости, и тут же захрапел.

Пока Михалыч разливал “по первой”, Лёха добрался до следующего “творца” — Сомова Николая Гавриловича из деревни Нижние Беляши ин-тересовала поэтическая кухня.

— Лёха, ты чего в газету уставился? — Михалыч уже держал в руке стопку. — Давай, за благополучно закончившийся ремонт!

— Давай! — Лёха потянулся за огурцом. — Эх, хорошо пошла! Смори, что в газете твоей напечатано: “Поэты пишут про это, прозаик пишет про заек...” А ты, случайно, не пишешь “про это”?

— Нет, не пишу.

— А почему?

— Я как-то стесняюсь: возраст не тот.

— Забей! Сейчас всё просто: псевдоним себе придумал и кропай стишки. Никто и не узнает, что это ты.

— Молодёжь пусть пишет, ей тема ближе.

— И про что же ты ваяешь?

— Про НЛО, — скромно сказал Михалыч.

Рука Лёхи замерла на полпути ко рту.

— Да ну! — восхищённо выдохнул Лёха. — Как они нас посещают?

— Нет, как я — их.

Огурец скользнул на капот, покатился к краю, оставляя рассольный след. Михалыч растянулся на нагретом железе своей “каротинки” и ловко ухватил беглеца за хвостик.

— И часто ты там бываешь?

— Не так уж часто, как хотелось бы. — Михалыч выглядел несколько расстроенным. — Раза три всего был. То супруга мешала, талдычила, мол, делом пора заняться, а не в небо пялиться. То настроение не то, контакта нет, сигнал сбивается. Знаешь, когда контакт лучше всего проходит? Когда молния шарахнет! Прямой посыл к действию нужен.

— Не, я такие крайности не приветствую! Молнией... — Лёха поёжился. — У меня Любка посылком работает. Уж пошлёт, так пошлёт. И шарануть тоже может тяжёлым, если не сделаю то, что её душенька запланировала. — Лёха посмотрел на часы. — На сегодня она запланировала Митяя к моей матери отправить с ночёвкой, а мы к её дядьке на юбилей с утречка в Петровку махнем. Так что, Михалыч, извини, мне пора.

— Подожди, — засуетился Михалыч. — Я за руль сяду, а ты сзади подтолкни: в гараж мою “ласточку” загоним. К вечеру дождик обещали: промокнет, ржаветь начнёт...

— Твоей “ласточке” не в гараж надо, а на металлолом. На запчасти никто не возьмёт. Двадцать семь лет драндулету!

— Ты, это, полегче! Там один металл какой, толщина какая — броня! Не то что современные жестянки: пузом царапнул, считай, дырка обеспечена. На моём “Фиатике” ещё внуки ездить будут!

— Верю, верю про внуков, с тебя станется всякий хлам сберечь, — Лёха отряхнул пыль со штанов, простился и зашагал с сторону своего дома.

Оставшись наедине со своим сокровищем, Михалыч достал со стеллажа бутылку полироли с надписью “От царапин”, плеснул на мягкую тряпочку немного её содержимого и пару раз прошёлся по капоту.

— Сейчас мы с тобой красоту наведём, и завтра в город поедем, — приговаривал Михалыч, любуясь блестящими искорками на металле “ласточки”. — Поспим и поедем. Ночь, она быстро пройдёт.

К редким поездкам в город — “нечего зря бензин тратить!” — Михалыч готовился основательно: составлял подробный список покупок, в багажник загружал коробки и корзинки для негабаритных предстоящих приобретений. Под ноги, где заднее сидение, клал веник — обметать пыль, чтобы городскую грязь в дом не тащить.

Сегодня Михалыч планировал заехать в Пенсионный фонд, разузнать насчёт давно обещанного перерасчёта пенсии. Вчера вечером Михалыч отпарил извлечённый из шкафа костюм, купленный ещё по талонам давно покойной тещей, начистил ботинки. Белую рубашку решил не надевать — не праздник же, и в полосочку сойдёт. Да и на обратном пути к рынку у автостанции заехать надо: цыплят десяток прикупить. За лето как раз подрастут, если коршун не потаскает, а старых кур — того, в суп сгодятся, пока совсем жилистыми не стали. Под это дело Михалыч и клетку почистил, на заднее сидение забросил, чтобы сразу взять — и готово.

Пенсионный фонд оказался закрытым. Остальные запланированные дела пошли гладко: закупился продуктами на центральном рынке; заглянул в оптику — выбрал очки по сильнее — совсем зрение упало; зашёл в хозяйственный за леской для триммера плюс полюбовался на ножи в частном

отделе — не прикупить ли в коллекцию, отложил на следующий раз; долго просидел в парикмахерской — пока подождал, пока постригли. Часы показывали начало пятого, когда Михалыч затормозил у автостанции, намереваясь идти за цыплятами.

Возле уличного табло с рейсами пригородных автобусов стояла молодая женщина. На скамейке сидела рыженькая девочка лет пяти. Большой туристический рюкзак стоял возле её ног, маленький детский рюкзачок лежал сверху. Больше на автостанции никого не было.

Михалыч по диагонали пересёк разворотную площадку автобусов и зашагал к рынку. Продавцы уже начали собираться: убирать раскладные столы, рассовывать клетки с живностью по открытым багажникам машин. Торговец от птицефабрики уже сидел за рулём своей “Газели”, когда Михалыч добрался до него.

— Какой десяток: всех давай забирай! Куда я тебе семь штук оставшихся деню: возить туда-сюда буду? — водитель выставил клетку с пищущими жёлтыми птенцами на металлический прилавок.

— Зачем мне одному столько? У меня лишних денег нет.

— Скидку сделаю. Только заberi. Передохнут ведь от ежедневного катания. А так, может, выживут у тебя.

Волшебное слово “скидка” несколько затмило разум Михалыча, и опомнился он, когда “Газель” скрылась за поворотом.

— И корма в два раза больше этим оглодам теперь нужно закупить. Золотые курята выйдут! — бурчал Михалыч, возвращаясь к припаркованной “каротинке”. В одной руке он нёс клетку с цыплятами, через плечо у него свисали связанные между собой сетки с пакетами комбикорма.

На автостанции всё так же было пусто. Молодая женщина что-то спрашивала в окошке кассы, девочка прыгала на одной ножке по цементным плиткам вокруг скамейки.

— Тут пусть полежат, пока машину подгоню, — Михалыч скинул с плеча сетки на соседнюю лавочку и развернулся в сторону парковки.

— Дедушка, добрый день! — раздалось за спиной. — Вы местный?

— Здешний, а что? — Михалыч повернулся.

Женщина подошла поближе. “Девчонка почти, не старше моей Светки, и фигурка у неё ничего...” — оценил Михалыч.

— Вы не подскажете, как нам до Поповки добраться? В расписании написано, что автобус должен в 16.30 пойти, а его отменили — сломался, говорят. И завтра не пойдёт: он всего один на маршруте.

— До Поповки... — Михалыч задумался. — А вам к кому надо?

Женщина немного смутилась.

— Если честно, ни к кому. Я вот объявление в местной газете прочитала: сдаётся пристройка к дому, с отдельным входом. Хотела посмотреть съездить, если понравится — сразу и снять. А теперь даже не знаю, что делать: сами мы только утром приехали, никого здесь не знаем. У вас тут есть какая-нибудь гостиница?

— Должна быть. Сейчас в городах чего только нет. — Михалыч задумался. — Помню, раньше на Большевикской была от “Сельхозтехники”.

Женщина достала телефон.

— Большевикская... “Закрота на реконструкцию”. Посмотрим, что ещё есть... “Боярин-хаус” предлагает... Цены тут для бояр, не иначе. “Лукоморье”: отдельные коттеджи в сосновом лесу... Сейчас узнаем, можно ли на два дня снять...

Пальцы женщины забегали по клавиатуре. Девочка подошла к маме поближе.

— Здравствуйте. Это “Лукоморье”? Можно у вас забронировать номер на два дня? Да, с сегодняшнего. Так... А что-то ещё вы можете предложить? Спасибо, нам не подходит. До свидания.

— Эх, Маруся! Придётся нам на вокзале ночевать. Корпоратив врачей у них там, мест нет. Давай надевай свой рюкзак и пойдём.

Девочка уже стояла с рюкзаком за плечами.

— Эй, подождите! Маруся, как ты смотришь насчёт переночевать у дедушки в деревне? Вы не волнуйтесь, я один сейчас живу, — обратился Михалыч к старшей пассажирке. — В доме переночуете, а завтра я вас до Поповки доведу. Сегодня никак: цыплят надо обустроить, кур загнать, да и Маруську вечером подоить надо.

— Маруську? — удивилась девочка. — Это ваша корова?

— Козу у меня так зовут. Беленькая такая. Тёзка твоя, считай.

— Мама, можно? Давай на мою тёзку заедем посмотрим?

Женщина в нерешительности водила пальцем по ребру телефона.

— Соглашайтесь быстрее. Скоро темнеть начнёт, а по местной трассе в темноте ездить нельзя — колеса пропорешь. Губернатор наш который год обещает отремонтировать, но, видно, проще в городе что-нибудь в очередной раз раскопать и заасфальтировать, чем технику в район выслать.

К дому подъехали почти в сумерках. За оградой пару раз лениво гавкнул Барсик, но учуял хозяина и смолк.

— Приехали, можно выходить. — Михалыч вытащил из багажника клетку. — Я пойду цыплят в загончик высажу, покормлю, водички свежей налью. А ты, Катерина, в дом заходи, располагайся. Выключатель справа от двери, сразу как войдёшь. Этого пустобрёха не бойся: он видел, что ты со мной приехала, значит — своя, не тронет. В дальней комнате кровать застелем и Марусю твою перенесём, не будем будить, пусть спит.

Михалыч скрылся в сарае. Катерина, решив не вытаскивать вещи, чтобы Маруся невзначай не проснулась, аккуратно закрыла дверцу автомобиля и, откинув проволочное кольцо со штaketины калитки, зашла в палисадник. От забора до крыльца весь путь уложился в десять шагов. Катя посмотрела вверх: над головой разгорался Млечный Путь, чёткой полосой, словно на дворе был август. “Почти как у бабушки в детстве... Если сейчас мне удастся отыскать Полярную звезду, всё будет хорошо”, — загадала Катерина. Большую Медведицу она отыскала сразу, а место на небосклоне, где должна по расчётам находиться Малая Медведица, было скрыто облаками. Но как раз на пятом отмеряемом от ковша расстоянии внезапно подул ветерок, небо расчистилось, и ярким бриллиантом сверкнула загаданная на счастье звезда. “Всё будет хорошо...” — Катя толкнула входную дверь и щёлкнула выключателем.

Хозяин задерживался. Катерина обнаружила несколько яиц в плетёной корзинке на кухонном столе у плиты. В плите обнаружилась чутунная сковорода, на полке за занавеской — бутылка подсолнечного масла и солонка. На стенке возле печки висела связка лука. Когда Михалыч зашёл с банкой молока на кухню, на плите уже шкворчала яичница.

— Василий Михайлович, я тут немного похозяйничала, — извинилась за самоуправство гостя. — Вы не переживайте, я завтра перед отъездом в магазин забегу, куплю яиц. А то неудобно получается: я ваши запасы разбазарила.

Михалыч достал марлю, ловко накинул на горлышко чистой, взятой с полки банки, процедил принесённое молоко и выставил на стол.

— Не сочиняй ерунды — “разбазарила”, не обедняю от пары яиц. Сейчас Маруську твою перенесём на кровать, потом и ужинать сядем.

Михалыч зашлёпал в проходную комнату к комоду.

— Вот тебе бельё, иди застилай там в комнате, а я пойду принесу девку.

В дальней комнате было чисто, прибрано, но ощущалось, что сам хозяин заходит сюда редко. На стене в общей рамке висели чёрно-белые фотографии каких-то родных — мужчин и женщин — и цветные какой-то девушки, похожей на хозяина. “Дочка, наверное”, — решила Катерина, закинув одеяло в старомодную квадратную прорезь пододеяльника. Бельё было белое, ничуть не пожелтевшее от времени, похрустывало от крахмала. Катя даже прижала наволочку к лицу, чтобы убедиться, что крахмал настоящий.

— Спит твоё сокровище, — в дверях появился Михалыч со спящей Марусей на руках, подошёл к Катерине и бережно положил девочку на разобранную кровать. — Раздевай ребёнка, укладывай, как тебе надо. Вещи ва-

ши я на терраску занёс — забирай, обустройвайся сама и приходи ужинать, пока всё горячее.

Пока Катя укладывала дочку, Михалыч выставил на стол огурцы, дорезал остатки колбасы, крупными ломтями — “к себе” — нарезал хлеб, достал кружки под молоко. Скромно, конечно, но голодными не останемся. С утречка картошечки пожарим с салцем, посытнее будет. Початую бутылку самогона решил не доставать, а то подумает — алкоголик.

В кухню вернулась Катя. Она успела переодеться в лёгкий спортивный костюм и явно ополоснуться от дорожной пыли под уличным краном, который Михалыч использовал для полива. Слегка влажные волосы Катерина стянула резинкой в хвостик. “Вот я дурак: не сказал, что бойлер есть в доме, и тёплый душ за терраской выведен”.

— Садись, давай, путешественница! Остыло уже.

За день оба проголодались, поэтому ужинали без разговоров.

— Какие вкусные у вас огурцы! Сами солите?

— Сам, кто же ещё.

— Я больше солёные люблю, не маринованные. Бабушка маринованные не жаловала, и свои только в бочке солила. А я ей помогала, как могла: смородину, укроп, воду таскала... Она по рецепту своей бабушки делала: больше нигде такого вкуса не встречала.

— Рецепт-то записала?

— Не успела, — Катя грустно улыбнулась. — По молодости мы все думаем, что бабушки вечные, успеем ещё. Ан нет, не успела. Второй год, как бабулечки нет. И вернуться некуда.

— Продали дом, что ли?

Катерина неожиданно резко отвернулась к окну, чтобы Михалыч не видел её лица.

— Продали, — с какой-то непонятной злостью ответила она. — Продали, и ещё должны были!

— Как это “должны”? Твоим родственникам доля не понравилась?

— Нет у нас родственников.

— Мужнины тогда?

— И мужа нет.

— Развелись? Бывает, дело житейское.

— Убили его... Я ни за что бы с ним не развелась: мы очень любили друг друга, и Маруську он обожал.

— Ты это, поплачь, не стесняйся, — Михалыч коснулся рукой плеча девушки. — На вот, вышей. Помянем мужа твоего. Как звали-то?

— Никита.

— За раба Божьего Никиту...

Катя пригубила стопку.

— Бр-р-р... Крепкая какая! Мне больше не наливайте.

— Нет так нет, — Михалыч задвинул вторую стопку подальше от края стола. — Что у вас случилось-то? Оба вы молодые — жить да жить!

Катя, всё так же глядя в окно, чтобы не пересекаться взглядом с Михалычем, с трудом начала:

— Мы с Никитой ещё с детства знакомы были. Нас бабушки в Дом творчества в один день записывать привели. Я с бабушкой жила, родители полевыми геологами были, в Красноярском крае летом их партия месторождения разведывала. Помню, осенью вернутся, мешки камней привезут, бабушка ругается: “Пройти негде”, — а они смеются: “Дочке привыкать надо, подрастёт — летом с собой брать будем”. Мама очень любила петь песню “...Плывут сибирские девчата / навстречу утренней заре / по Ангаре, по Ангаре...”, потому что их геологическая партия на Ангаре работала. Я так ждала, когда подрасту, и это лето настанет... Мне восемь лет было, когда папин вездеход переправлялся через реку и провалился в карстовую воронку, никто выбраться не успел. Бабушка потом все камни повыбрасывала, я один успела сохранить,

Катя достала из-под футболки небольшой кулон с зеленовато-синеватым камушком с прожилками.

— Это забайкальский лабрадорит, из самой первой экспедиции, “рысий глаз” называется. Его папа подарил маме, когда они только познакомились. У мамы глаза были такие — зелёные в крапинку, рысьи. В Доме творчества мы и познакомились. Никиту его бабушка на прослушивание в музыкальный кружок привела, а меня — в художественную студию. Кабинеты рядом были, народа много. Оказалось, что мы почти рядом живём, через две улицы. Сначала бабушки нас по очереди водили: то его бабушка, то моя. Потом стали сами ходить. Так всю школу и проходили. Никита — талантливый альтист был. Ему преподаватель в Нижегородскую консерваторию рекомендовал поступать. Никита и поступил, с первого раза. Только доучиться ему не удалось: зимой поскользнулся и упал неудачно на левый локоть. Лечился долго, но локоть до конца сгибаться перестал, альт держать трудно. Для себя играть можно, а о концертных выступлениях сказали забыть. Я педагогический институт закончила по специальности “художник-график”, работать начала в рекламных журналах. Как раз Никита вернулся, поженились мы, переехали к нему. Квартира ему досталась: бабушка к тому времени умерла, родители развелись, потом отец второй раз женился, через два года и мать замуж вышла, уехала из города. Маруся родилась, я в декрет ушла. Денег мало. Никита бросил свою музыку, ушёл к соседу в автосервис. Тут талант у Никиты открылся: по звуку мог определить, где неисправность в машине, в других сервисах только руками разводили — причину не могли найти. Ремонтировал тоже сам, денег лишних не брал. Стал народ к Никите на диагностику записываться. Мы подумали и решили, что пора работать на себя, а не на “дядю”. Нашли место, кредит взяли, потихоньку раскрутились, клиенты свои постоянные пришли. Он чинит, я машины расписываю. Видели, наверное, тигры всякие, пейзажи или что покруче по вкусу владельца. Во дворе нашей мастерской “Фиатик” оранжевый стоял, не на ходу. Мы дочку туда посадим: она руль крутит, на сиденьях игрушки разложит — и рядом, и под присмотром. Наивные бизнесмены из нас вышли. Думали, бандиты — это в прошлом, в девяностых, повывели их сейчас. Только на ноги встали, заначку смогли откладывать. Я Никиту убедила, что не следует всё вбухивать в мастерскую, мало ли как жизнь повернётся.

Она помолчала, вздохнула и нехотя продолжила:

— И вот они — гости дорогие. Сначала мелких сошек заслали к нам: платите столько-то каждый месяц, и мы вас не тронем. Никита честный был, не захотел прогибаться. Затихли вроде. Один раз прихожу, во дворе спортивный кар стоит, крутой такой, миллионов пять стоит, рядом Никита суетится. Говорит, пригнали, чтобы ты расписала по их эскизу. Заплатить хорошо обещали. Что-то не понравился мне заказ, но раз приняли — делать нужно. Неделю работала, не отрываясь, вечером закончила, утром заказчик забрать должен. Приходим утром, а мастерская разгромлена, и спорткар полубогоревший стоит... Заказчику что — возмещайте убыток, не моё дело, откуда деньги возьмёте. У Никиты камера внешнего наблюдения была на соседской крыше смонтирована (сосед разрешил). Посмотрели запись; старые знакомые с этим заказчиком что-то у ворот обсуждают, потом заказчик уезжает, а бандиты перелезают к нам через забор... Никита возьми и позвони заказчику, встретиться, говорит, надо, доказательства есть. И всё... Больше я его не видела. Заначку бандитам сразу отдала, мастерскую на продажу выставляла за бесенок, квартиру чуть позже продала — деньги заказчику, и вернулась к бабушке. Через полгода меня в милицию вызвали, на опознание. В лесу нашли. Я опознала только по татуировке (сколько я его просила не делать её, ненавижу такую роспись) на сгибе между средним и указательным пальцем “Ни-сердечко-Ка”. Никита-Катерина. Пока моя бабулечка была жива, никто нас не трогал. А тут умерла она, осенью я в наследство вступила. Маруся в садик пошла, я дома работаю на удалёнке: рисую иллюстрации, сайты делаю. Спокойно всё. Зима проходит, подъезжают к дому всё те же морды, шлёпают, не разуваясь, в дом: “Должок всё ещё за вами. Рекомендуем отдать, а то плохо будет”. Не иначе как нотариус прикормленный оказался. Маруся во дворе крутится. Водитель из машины выходит, зайца игрушечного ей суёт, мол, у меня такая же дочка. Маруся в зайца

вцепилась, глаза блестят, у неё как раз период помешательства на зайчиках был. К тому времени я уже устала бояться, говорю: “Будут вам деньги. Только главному и лично в руки под расписку”. “Шестёрки” поржали, ладно, говорят, уважим последнюю просьбу. Сели в машину, уехали. Дали мне два месяца срока. Я к Маруське зайца отнимать, а она вцепилась в него мёртвой хваткой: и есть с собой, и в туалет с собой, и спать с собой. Ночью я этого зайца вытащила из-под одеяла, на кухню принесла и ножницами его, ножницами, на мелкие кусочки... Понимаю, что заяц не виноват, и дочка у водителя взаправдашняя. Очнулась: кругом набивка от зайца, мех валяется... Скорее убирать, пока Маруся не проснулась. Пришлось сказать ей, что ночью зайчик ожил и в лес убежал. Дом под дачу быстро купили, даже почти за реальную стоимость. Место хорошее было: вроде и на краю города, тишина вокруг, а до центра двадцать минут. Я деньги в конверт сунула, жду визитёров. С соседкой договорилась, что за Маруськой присмотрит. На столе в кухне конверт с указаниями оставила, если вдруг не вернусь. Ровно день в день приезжают. Сажусь в салон. “Поехали к хозяину”, — говорю. “Поехали, — смеются, — хозяин добро дал”. Окна затемнённые, ничего не видно, догадываюсь только, что в сторону нашей местной зоны отдыха едем, там неподалёку коттеджный посёлок выстроен. Заехали прямо в гараж, из гаража меня наверх проводили. Хозяин встречать вышел. Милый такой дядечка лет пятидесяти, не похож на бандита, какими их в кино показывают. Внешность не запоминающаяся, как у разведчиков. Я ему деньги сую, расписку требую. Тому весело, никогда таких наглых жертв не встречал. Потом говорит: “Хотели вы мне польстить, назвав разведчиком, или нет, я не знаю. Но в молодости я почти им стал. И только поэтому я напишу вот тут, на обороте конверта, что Катерина Батьковна расплатилась полностью и ничего мне не должна. Не волнуйтесь, всё в силе: мой почерк, кому надо, знают”. Привезли меня обратно к пока ещё моему дому. Пока ездил — не страшно было, а выхожу — руки-ноги дрожат. Водитель, тот самый, с зайцем, высывается из окна машины и мне шепчет: “Послушайте совет, забирайте всё, что можете, и уезжайте отсюда навсегда. Никаких расписок в жизни никто никогда от шефа не получал. Сегодня шеф добрый, а как завтра повернётся — никто не знает”. И знаете, я ему поверила. Этой же ночью запихнула самое ценное в рюкзак, Маруську в охашку, ключи соседке через забор перекинула, чтобы новым жильцам отдала, и на попутках подальше из области.

Катя горько усмехнулась:

— Вот таким ветром нас и занесло в ваш город. Переночуем, и в Поповку...

Михалыч крутанул стопку на столе. Потом ещё раз.

— Катерина, тебе обязательно в эту Поповку? Может, у меня останешься? Если комната не нравится, в саду флигелёк стоит. Летом жить можно. Интернет нужен для работы — проведём. Лёхе позволю, он тебе провод перекинет. И Маруська скучать не будет: ребятишек много и своих деревенских, и городских скоро к бабкам на лето привезут. Ну чего, остаёшься?

Катя смутилась.

— Спасибо, Василий Михайлович! Флигель мне больше нравится, но... Всё это так неожиданно... Можно, я ночь подумаю?

— Думай, девка, думай. От ночи мало осталось, рассвет скоро. Ты как хочешь, а я пошёл спать. Спокойной ночи!

Утром Михалыч вышел в палисадник. Возле куста почти раскрывшейся сирени на цыпочках стояла Маруся, пытаясь пригнуть к земле ветку. Заметив хозяина, девочка подбежала к нему.

— Доброе утро, дедушка Василий Михайлович! Вы не могли бы нагнуть мне ветку: я понюхаю.

— Доброе утро, Маруся! Что-то ты рано встала, мамка-то спит ещё?

— Спит, я не стала её будить. Я же раньше уснула, значит, быстрее выспалась.

— Хм, логично, — Михалыч потянул верхние ветки куста на себя. — Сейчас твоей маме букет наломаем.

— Не надо букет! Веточку одну. Сирени же больно.

Будет больно сирени или нет, Михалыч никогда в жизни не задумывался. Он, как и все деревенские, всегда считал, что сирень нужно обламывать, чтобы та гуще цвела на следующий год. Сколько он переломал этих веток: и мамке своей, чей день рождения был в мае, и девкам по молодости, да и Зинаида Степановна любила этот одуряющий запах весны.

— Уговорила, веточку. Но если мама захочет букет, то может сама нарвать, сколько захочет. Банку на скамейке в терраске возьми, вода на улице.

— Дедушка, а вы куда?

— Кур выпускать пойду, гулять им пора.

— И я с вами, можно?

— Пошли, если грязи не боишься.

— Зачем её бояться? Мама всегда говорит, что ребёнок должен расти в естественной среде. Испачкался — умылся, промок — посушился. Вот и всё.

— Маруся, ты прямо стихами говоришь.

— Я стихов много знаю. Я ещё в пять лет читать научилась.

— Здорово, — искренне восхитился Михалыч.

— Только книжки мы с собой взять не смогли. Мама сказала, тяжёлое не берём, приедом и новые кушим.

— Новые — это тоже хорошо. Хочешь, когда мама проснётся, мы книжки с тобой в шкафу найдём. Дочка моя читала, когда маленькая была.

— А где она сейчас?

— Выросла, — грустно сказал Михалыч, — вышла замуж и уехала далеко-далеко...

— За принца вышла замуж?

— Почему за принца?

— Только с принцами уезжают далеко-далеко. А если за обычного жениха выходят, то дома остаются.

Михалыч направился к курятнику. Маруся вприпрыжку скакала по натоптанной тропинке. Взрослые куры уже квохтали у выхода. Михалыч насыпал им комбикорма, поменял воду.

— Придержи дверь, я курей на улицу выгоню, — попросил Михалыч девочку. Маруся из всех силёнок потянула разохшуюся дверь на себя.

— Геть, геть отсюда, — замахал руками Михалыч. — Марш гулять.

Куры понеслись за ограду.

— Пойдём, яички поищем. Смотри в ящичках, они туда яички кладут.

— Дедушка, смотрите, я два нашла! Даже в одном ящичке!

— Забирай и беги домой носи. В корзинку положи на кухне. Я пока тёзку твою подою.

— Можно, я тоже подою?

Михалыч покачал головой.

— Не получится, пугливая эта девка. Испугается, молока потом не даст. Мы её приучим потихонечку к тебе, и потом попробуешь.

— Хорошо, дедушка.

— Если мамка проснулась, скажи ей: картошка в корзинке за печкой, всё остальное в холодильнике или в шкафчике. Пусть берёт, не стесняется. Я скоро.

— Что, Катерина, надумала оставаться? — спросил Михалыч, после того как позавтракали.

— Остаётся, мамочка, остаётся! — Маруся умоляюще сложила ладошки. — Мы с дедушкой Василием Михайловичем ещё столько сделать должны. Тёзку мою приручить — раз, — Маруся загнула один палец. — Цыплятам сетку над загончиком натянуть — два. Книжки все прочитать — три. А ещё дедушка обещал мне показать, где растут большие колокольчики.

— Гляжу, вы много чего успели запланировать без меня...

— Почему же без тебя, — обиделась Маруся. — Мы тебя на речку возьмём, сома смотреть.

— Сома?

Михалыч кивнул.

— Живёт у нас тут под корягами один, полено здоровое. Лет шесть, как завёлся. Хитёр, брат. Всех уток переловил, а сам ловиться не желает. Даже рыбаки плонули на него: пусть, говорят, нашей достопримечательностью будет, а то ничего интересного в деревне нет — леса да поля.

Возле калитки забрехал Джульбарс.

— О, Пашка явился! Сейчас ему задание дам, пусть трудится.

— Кто это — Пашка? — спросила Катя.

— Лёхин брат. Он у нас по интернету главный. Пока мы сома пойдём смотреть, он вам во флигель нужные провода протянет.

— Я так поняла, что за меня уже всё решили, — полушутя сказала Катерина.

— Что, мамочка, — Маруся дёрнула Катю за рукав, — остаёмся?

— Остаёмся, остаёмся. Ваша взяла.

С появлением квартирантов Михалыч всё реже стал проводить время в гараже со своей “ласточкой”. Нет, он не забыл про неё, свою бессловесную спутницу жизни. Просто теперь было с кем поговорить и дома. Любопытная Маруся стала непременной спутницей Михалыча во всём. Маруся всегда находила себе занятия: то в огороде, где Михалыч учил отличать сорную траву от ботвы морковки, то в саду, где нужно было побелить стволы яблонь от вредителей, а то и возле “каротинки”, которую требовалось помыть после забега в город. Вечером обязательно читали вслух по очереди: и Катя, и Михалыч, и Маруся. Михалыч под чутким руководством Маруси учил стихи.

— Дедушка Василий Михайлович, вот это ты учишь, — строгим учительским голосом раздавала задания Маруся, — а вот это — я.

— Это тебе нужно учить, память развивать, а мне зачем они на старости лет? — сопротивлялся Михалыч.

— Мама сказала, если старенькие люди ничего запоминать не будут, они памяти лишатся.

— Раз мама сказала: “Надо”, — значит, надо, — сдавался Михалыч. — Она у нас строгая.

В город Маруся в собственном автокресле ездила вместе с Михалычем, Катя оставалась дома. Привыкла. Когда домочадцы уехали таким образом первый раз, до обеда Катя наслаждалась тишиной, потом начала посматривать на часы: “Где же они там?” — и, наконец, вынесла ноутбук на лавочку в палисадник, чтобы ещё на повороте к деревне увидеть яркие бока “каротинки”.

Как только машина остановилась у дома, Катя бросилась к водителю.

— Василий Михайлович! Почему вы не позвонили, что задерживаетесь? Я же волнуюсь!

— Мамочка, — Маруся освободилась от ремней кресла, — не ругайся, пожалуйста. Мы с дедушкой в кино ходили, оттуда нельзя звонить — другим мешать будем.

— Вы же только на базар собирались.

— Уговорила твоя говорунья.

— Что смотрели-то?

— “Как приручить дракона-3”. Тебе тоже надо посмотреть: там Беззубик подружку нашёл. Она такая красивая, беленькая, как наша Марусяка!

Катя захохотала.

— Дожили, дракона с козой сравнивают! Понравилось хотя бы?

— Да! — в голос ответили Михалыч и Маруся.

— Ладно, прощаю! Мойте руки и живо за стол!

Когда Катя после месяца проживания во флигеле попыталась отдать деньги Михалычу, тот отмахнулся:

— Давай договоримся: если хочешь платить за что-то, то плати за интернет и электричество, и всё. Еда почти вся на огороде растёт. Молоко своё, яйца свои. Что-то я куплю, что-то ты. Хватит нам.

— Но, — попыталась возразить Катя, — это же совсем мало получается.
— Тебе девку ещё растить, в школу на будущий год пойдёт, траты будут.
— Так это ещё когда будет, школа...
— Не успеешь оглянуться, поверь мне. Так что слушай, что старшие говорят!

Скоро у Маруси появились друзья: сначала сосед Славик, внук бабки Настёны, по привычке заглянул к Михалычу на огород в поисках червяков для рыбалки. Ничего, что парень чуть старше, первый класс закончил, самостоятельный уже, да и Маруська умна не по годам. На почве червяков и познкомились. Михалыч в тот день картошку окапывал, пошёл за лопухом к забору — лопату от земли очистить.

— Дедушка Василий Михайлович, — внезапно Михалыч обнаружил под своим носом извивающегося червяка, крепко сжимаемого Марусей. — А у червяка голова есть?

— Есть, он же живой.

— Одна голова?

— Конечно.

— А Славик говорит, что две. Потому что, если червяка разрезать на части, он в обе стороны поползёт. Как он поползёт, если головы не будет?

— Без головы не поползёт.

— А где у него голова, покажи.

— Там, где потолще, поясок видите? — Дети отпустили бедного червяка на землю. — Он к голове ближе, чем к хвосту, всегда разглядеть можно.

Славик восторженно схватил многострадального червяка.

— Маруся, пойдём моей бабушке покажем. Думаю, что она тоже не знает, где у червяка голова!

Потом Алёну к соседям напротив привезли на лето, потом Лёхин Митяй прибежать стал, в общем, “детский сад на выезде” образовался под окнами.

Сначала Михалыча это напрягало, он за много лет привык к тишине и спокойствию, а тут дети. Зато и дело нашлось: качели на иву у ворот подвесил, лавочку новую сколотил. Славик с Митяем тоже поучаствовали: пилить пытались, гвозди забивали по мере своих силёнок. Не всё сразу, научатся ещё. Девкам покрасить лавочку поручили. Красиво выкрасили: половину — красной краской, половину — зелёной. Компромиссе, видите ли, устроили, чтобы никому не обидно было.

Играют целыми днями на улице, только успевай напоминать, что обедать пора. Катерина отличным поваром оказалась, запросто суп из топора сварит, если продуктов в доме не окажется. Михалыч ел и нахваливал.

Вспоминая день встречи с Катериной и Марусей, Михалыч каждый раз удивлялся: что заставило его посадить совершенно незнакомую женщину с ребёнком к себе в машину? И каждый раз радовался, что он это сделал.

Особенно Михалыч полюбил вечерние посиделки на ступеньках крыльца, когда Маруся в детских валеночках Светки (а что, ночи становятся холодными, дело к августу: “Пётр-Павел час убавил, Илья-пророк два уволок”) и в её же старой курточке на плечах придвигалась под бочок, под надёжное крыло телогрейки. И они, усевшись на нижней ступеньке, вместе смотрели на звёзды, набухающие над крышей соседского дома.

— Знаешь, Маруся, сколько созвездий на небе? — Маруся мотала головой. — Восемьдесят восемь.

— А сколько всего звёзд, дедушка?

— Не знаю, миллионы, наверное. Даже, скорее, миллиарды. Бесконечность. Вот если мы цифру восемь положим на бок, получится та самая бесконечность.

— Две бесконечности. Ты же сам говоришь: восемьдесят восемь. Восемь и восемь.

— Точно. — Михалыч был потрясён таким простым открытием.

На верхней ступеньке улыбалась в темноте Катя. Ей было так уютно в этом доме, что не хотелось никуда уезжать. Ещё месяц — и осень...

После Ильина дня задождило. Михалыч с Марусей перечитали почти все Светкины книги.

— Дождь кончится, поедem в город, купим тебе новых, — пообещал Михалыч. — Видишь ли, Светка моя не особая любительница читать была, маловато книжек осталось.

— Скорее бы кончился, — Маруся провела пальцем по следу дождинки, сбежавшей по стеклу.

— Смотри, что я нашёл в гараже, — Михалыч вытащил из кармана жёлтую монетку. — Пятак.

— Мне? — не поверила своему счастью Маруся.

— Конечно, тебе!

— Как в нашем с тобой любимом стихотворении про льва?

Михалыч кивнул.

— Держи скорее, “рыжая головёнка...”

— “Не совсем как у лвьёнка”, — Маруся радостно обняла Михалыча. — Дедушка, а у тебя голова не болит сейчас? Как у льва?

— Что, полечить решила? — добродушно усмехнулся Михалыч. — Это если ты шишку какую посадишь, тогда скорее беги пятак холодный прикладывать. Мы, когда маленькие были, только так и лечились от этих шишек. А сейчас и монет подходящих днем с огнём не найдёшь. Так что береги пятак, раритет!

Подошла Катя.

— Гидрометцентр обещает, что дождь закончится послезавтра. Дорога просохнет, и можете в город ехать. Заодно на пункт доставки заедете, посылку заберёте.

— От кого посылка? Кому посылка, мама, скажи кому?

— Заберёте и увидите, — не стала раскрывать секрет Катя.

— Значит, мы поедem в город одним из послезавтра? Твой гидрометцентр ведь точно не знает, когда просохнет дорога?

— Не знает, — Катя развела руками. — Придётся набраться терпения и немного подождать.

— Ох, и не люблю я ждать, — горестно вздохнула Маруся. Она взобралась на стул коленями, подпёрла голову руками и уставилась, не моргая, в окно. — Я буду гипнотизировать этот дождь. Вдруг от этого он быстрее кончится?

Дождь кончился через два дня. Ещё два дня Михалыч отвёл на просушку дороги. Наконец, в пятницу можно было выезжать. Катя вручила Михалычу две квитанции.

— Катерина, ты же сказала: “Заберёте одну посылку”? — недоумевал Михалыч.

— Я про вторую сама не знала. Мне только вчера сообщение пришло, что доставлена в пункт выдачи. Зато не придётся лишний раз ехать.

— Дедушка, давай сразу на рынок не поедem, лучше на почту. Я так давно не получала никаких таких посылок, — мечтательно рассуждала Маруся по дороге. — Хотя, если быть честной, я никогда не получала посылок. Это же так интересно: живёшь себе, живёшь и вдруг бац! тебе посылка. И никто, никто не знает, что там внутри...

Михалыч помалкивал: уж он за свою жизнь не только получал посылки, но и отправлял их в разные стороны.

— Хорошо, давай сначала за посылками, потом на рынок.

— Ты меня посадишь к окошку? Я тётеньке-почтальону сама мамины бумажки отдам.

— Посажу, мне нетрудно, — улыбнулся Михалыч.

На почте пришлось немного подождать. Когда подошла очередь Михалыча, и Маруся, как и было обещано, лично отдала квитанции, почтальон жестом пригласила подойти к транспортной ленте. Одна большая посылка приехала по ленте, вся обклеенная жёлтыми полосами с надписями “Не кантовать”, вторая — поменьше — оказалась без лент, но тоже прочно упакованная.

— Тележку возьмите до машины довести. Тяжёлые посылки, — почтальон указала на угол с тележками. — Сейчас Вадика позову, он вам загрузить поможет.

— Что Катерина назаказывала? — всю обратную дорогу удивлялся Михалыч. — Вроде в доме всё есть.

— И я тоже голову ломаю, — вторила девочка.

На последнем повороте Маруся попросилась выйти.

— Дедушка, пока ты будешь разворачиваться, я до дома уже добегу. Мне так хочется с мамой поделиться радостью.

— Беги, егоза! Я через пять минут буду.

Дорога огибала дуг, поэтому местность хорошо просматривалась. Михалыч видел, как Маруся бежала, смешно поднимая ноги, по высокой траве к дому. Вдруг рыжая головёнка скрылась в траве.

— Нашла кого, поглядеть нагнулась, — подумал Михалыч.

Маруся не появлялась.

— Маруся! — Михалыч затормозил, вскочил из “каротинки” и побежал туда, где последний раз заметил ребёнка.

Маруся сидела в траве и плакала.

— Дедушка, я здесь. Только я идти не могу: пытаюсь встать и падаю. Правое колено на глазах наливалось синевой.

Михалыч подхватил Марусю на руки.

— Держись крепче за шею. Сейчас дома будем.

Катя уже заметила брошенную на повороте машину и бежала навстречу.

— Катерина, беги назад, открывай мне двери, — скомандовал Михалыч. — Я Марусю в комнату занесу.

— Так больно? А так? — пальцы Михалыча забегали по ноге. — А вот так? Перелома нет, просто вывих. Сейчас вправим, только потерпеть придётся. Потерпишь, львёнок?

Маруся сквозь слёзы кивнула.

— Катерина, держи её крепко. И — раз... — Михалыч ловко обхватил ножку девочки и почти незаметным движением повернул. Раздался негромкий щелчок.

— Умница, моя девочка! Молодец, львёнок! — приговаривал Михалыч. — Сейчас компресс ледяной тебе положим и в больницу поедem, рентген сделаем. Я уверен, что это вывих, но лучше перестраховаться.

Из больницы возвращались по темноте. Маруся дремала на руках у Кати.

— Василий Михайлович, где вы так хорошо вывихи научились вправлять? — спросила Катя.

— Фельдшером на “скорой” работал, — взглядываясь в темноту, ответил Михалыч. — И швец, и жнец, и на дуде игрец в нашей тьмутаракани — всего понемножку умею.

— Спасибо вам за дочку.

Михалыч смутился.

— Да не за что вроде благодарить пока. Забегает снова, вот тогда и благодари.

— Вы не правы, она вас любит, а значит, есть за что, — твёрдо ответила Катя.

Утром Михалыч проснулся от того, что нос кто-то щекотал травинкой.

— Ах ты, егоза-стрекоза, — нарочито грозно произнёс Михалыч, — что встала? Лежать тебе надо, ногу долечивать.

— Дедушка Василий Михайлович, не волнуйся, я тихонько, бегать не буду. Мы же вчера не узнали, что там в посылках!

— Тыфу ты, забыл я про эти посылки напрочь. Так и провозил в багажнике весь день. Митяй прибежит, скажи, чтобы отца позвал помочь.

Лёха явился к полудню. Маленькую коробку легко поднял сам, большую вытащили вместе с Михалычем.

— Я пошёл, Любка меня на полчаса отпустила — картошку всей семьёй копаем.

Катерина хранила загадочное молчание.

— Мамочка, открываем?

— Открывайте, — разрешила Катя.

В маленькой коробке оказался двухколёсный велосипед.

— Как у Славика, — обрадовалась Маруся.

— Лучше, — одобрил Михалыч.
— А кататься как же я теперь буду? Я умею, меня Славик научил, — тут же расстроилась девочка.
— Подождать немного придётся. Ты же сильная, львёнок, выдержишь?
— Придётся, — огорчилась Маруся. — А потом, Славка, держись!
Катя и Михалыч рассмеялись.
— Эту коробку вы открывайте, — Катя вручила ножницы Михалычу.
Михалыч срезал фиксирующие ленты и открыл коробку.
— Катерина, что это? Зачем?!

— Это вам, Василий Михайлович, мотоблок. Хватит лопатой махать, техника сейчас на любой вкус и цвет. Тем более, сегодня у вас день рождения.
— Точно, — удивился Михалыч, — забыл. А ты откуда знаешь?
— Тоже мне, секрет Полишинеля, — фыркнула Катя. — Вы мне сами говорили в начале лета. У меня память хорошая, не девичья.
— Дедушка Василий Михайлович! — Михалыч не заметил, как вернулась Маруся. — Поздравляю тебя с днём рождения! Желаю здоровья и счастья!
Маруся протянула Михалычу букет ромашек.
— И ещё: я тебя очень-очень люблю. Можно, я тебя буду звать своим дедушкой? Просто “деда”, без отчества?
Михалыч задохнулся от нахлынувших чувств.
— Можно, львёнок, можно! Идите сюда, я вас обниму! Катерина, что стоишь? Иди! Девки мои, я вас тоже очень-очень люблю!

Катя, смущаясь, подошла к Михалычу.
— Василий Михайлович, — нерешительно произнесла она, — а можно мы у вас останемся? Хотя бы на зиму. Потом я подкоплю, и дом какой купим.
Михалыч удивлённо взглянул на Катю.
— Это что же получается: Маруся, значит, внучка моя, а её мамка из родного дома сбежать хочет? Нет, девки, так дело не пойдёт! Никаких больше чужих домов, хватит, набегались!
— Так вы не против?
— Не против, не против, — спрятавшаяся за спиной Михалыча Маруся показала Кате язык.
— Устами младенца глаголет истина! — Михалыч перехватил Марусю поперёк живота и закинул на плечо. Маруся радостно заколотила Михалыча по спине руками. — Пошли в дом, стол праздничный собирать, гостей созывать. Да и внучка проголодалась.